

A portrait of an elderly man with white hair and a beard, wearing a brown jacket over a white shirt and a patterned tie. He is positioned on the left side of the frame. The background is a vibrant blue ocean scene with a large waterfall on the right, dolphins leaping from the water in the middle ground, and a school of fish swimming near the bottom right.

# Наши интервью

Алексей Яблоков: «Крест  
на человечестве ставить  
не хотелось бы...»

**А**лексей Владимирович Яблоков – выдающийся российский биолог, член-корреспондент РАН, эколог, для которого борьба за сохранение живой природы стала стилем жизни, – недавно отметил свое 80-летие. За это время он успел написать множество замечательных книг, сделать немало для защиты добрых дел – скажем, при активном участии Яблокова был запрещен промысел моржей и тюленей в северных морях. Петицию в поддержку общественного Музея имени Н.К. Рериха он подписал одним из первых. А еще он был учеником легендарного Тимофеева-Ресовского и, будучи в Индии, встречался со Святославом Рерихом, о чем сохранил удивительные, уникальные воспоминания.



П.П. Смолин проводит занятия с детьми

— Алексей Владимирович, насколько я знаю, наука о жизни — биология — привлекла вас еще в юности.

— В пятом или шестом классе я пришел в зоопарк и обнаружил там КЮБЗ — Кружок юных биологов Московского зоопарка. И с увлечением стал заниматься наблюдением за животными. Сначала наблюдал за лисами. Потом меня «повысили», и я наблюдал за новорожденным слоненком. В этом кружке я впервые оказался среди ребят, объединенных интересом к живой природе. Кружком руководил Петр Петрович Смолин — «ППС» — первый из двух моих Учителей с большой буквы, один из основателей юннатского движения в стране.

Станции юных натуралистов, школьные лесничества, «голубые патрули» — все эти объединения были, говоря по-современному, немного диссидентскими. Пионерия и комсомол были организованы по территориальному принципу (районы, школы), а у нас в кружке были десятки ребят из Москвы и Подмосковья и не было ни пионерской, ни комсомольской организации. Я пропадаю в зоопарке каждый день. Единствен-

ное условие, которое поставили родители, — чтобы в школе все было в порядке. Нет двоек — делай что хочешь. Кружок юных биологов меня увлек невероятно, я понял, что это мое. Я бы так обозначил полученные в КЮБЗе жизненные уроки: общественная активность, дружелюбие, принципиальность, нетерпимость к предательству, особое отношение к природе.

— Отношение к природе — каким оно должно быть?

— Вечная дилемма: природа — храм или мастерская? Мичуринский ответ: «Не ждать милостей от природы! Взять их...» Для меня природа — это, конечно, храм. Но храм жизнеобеспечивающий. Его надо ремонтировать и поддерживать, выстраивать поведение человека в соответствии с законами природы. «Преобразовывать» природу, поворачивая реки, — нельзя.

— Потом — биофак МГУ. Как я понимаю, вариантов не было?

— Да, все мысли были — попасть на кафедру зоологии позвоночных. Но после первой университетской сессии — страшный удар. Приказ, подписанный ректором: Яблоков, в числе двадцати или тридцати сту-

дентов первого курса с биолого-почвенного, геологического и географического факультетов, переводится на химический факультет! Дело в том, что на химфаке таким образом формировалось какое-то секретное отделение (много лет спустя я узнал, это было что-то радиохимическое). Туда набирали студентов с трех естественных факультетов, которые без троек сдали первую сессию. Для меня это была трагедия. Нас было трое с биофака, не согласных стать химиками. Написали заявление ректору, что хотим посвятить себя биологии. Реакция — ноль. Кто-то посоветовал обратиться к Т.Д. Лысенко — депутату Верховного Совета СССР от моего района. Удивительно, но он меня принял.

— Каким запомнился Лысенко?

— Это было в здании Президиума ВАСХНИЛ. Огромный темный кабинет, он, как Волшебник Изумрудного города, где-то в глубине за столом. Говорю, волнуясь, что биология — мое призвание, помогите, мол, попасть обратно на биофак. Он прохрипел: «Вы не понимаете государственной необходимости». На этом аудиенция была окон-

чена. Много лет спустя такую же фразу я услышал от Анатолия Собчака. Я был председателем государственной экологической экспертизы по строительству высокоскоростной железной дороги «Москва — Санкт-Петербург», и Собчаку, тогда мэру Санкт-Петербурга, стало известно, что большинство экспертов склоняются к отрицательному заключению по этому проекту. Мы оказались правы: сейчас из Питера в Москву можно доехать меньше чем за четыре часа — как раз столько предполагалось проектом ценой затрат миллиардов рублей, вырубки тысяч гектаров лесов, нарушения охраняемых территорий. Проект был варварский, который обогатил бы немногих, а беды принес бы сотням тысяч.

— А что же с университетом?

— Начал ходить на занятия на химфак. Не ходить нельзя — выгнали бы с волчьим билетом. Но кроме химфака, продолжал слушать лекции на биофаке. И сдавал экзамены на обоих факультетах. Преподаватели относились ко мне с сочувствием. Помню, в один день сдал пять экзаменов! Через полгода на химфаке поняли, что толку не будет, и перевели обратно. Второе серьезное испытание ждало меня на пятом курсе. Были годы лысенковщины, я уже тогда хорошо понимал, что это мракобесие. Думаю, так считали и большинство моих товарищей. И на пятом курсе я написал в факультетской стенгазете, что мы «голосуем ногами» против лекций профессора Дворянкина, он был ярким сподвижником Лысенко и читал биологически неграмотные лекции. Разразился скандал, меня хотели исключить из комсомола. Кончилось тем, что распределили учителем биологии в Архангельскую область. Спас Сергей Евгеньевич Клейненберг. К окончанию университета я побывал в экспедициях по изучению китообразных на Дальнем Востоке и Белом море, выполнил под его руководством дипломную работу по биологии северного дельфина — белухи. Он был ученым секретарем Института морфологии животных имени А.Н. Северцова, который располагается в здании, где мы с вами разговариваем. Клейненберг (потом я понял — с риском) сделал тогда удивительный ход — взял меня на работу не как окончившего университет специалиста, а как младшего лаборанта без высшего образования. Я был зачислен в штат института. Года через три мне передали из университета: у нас тут завалился ваш диплом, заберите. Это было кстати, так как к тому времени под крылом Клейненберга я уже подготовил кандидатскую диссертацию.

— И вышло, что морские млекопитающие стали вашей главной любовью в науке на всю жизнь...



Сергей Евгеньевич Клейненберг

— Да, начинаешь чем-то всерьез заниматься — и вскрывается куча интересного. Выяснилось, скажем, что мозг у дельфинов бывает больше, чем у человека, поведение — невероятно сложное, часто непонятное, огромный звуковой репертуар даже в слышимой части акустического спектра. Поморы раньше называли белуху морской канарейкой. Ясно, что это не просто крик — это разговор. У каких-то дельфинов — явный матриархат, у некоторых китов — гаремы. Желание привлечь внимание широкой публики к этой необычности привело к тому, что мы с Сергеем Евгеньевичем написали несколько популярных книг о морских млекопитающих. Книга «Наш друг дельфин» выдержала несколько изданий. Чтобы не раздражать ученых коллег, написали под псевдонимом научно-фантастическую повесть о жизни дельфинов. Кстати, немало из того, что мы там нафантазировали, сейчас подтверждено научными данными, остальное, уверен, еще подтвердится. Стало ясно, что нельзя промышлять ни китов, ни дельфинов. Это наши братья по разуму, хотя их разум — чуждый нам. Они древнее, а если судить по количеству нервных клеток и связей, могут быть «умнее». После одной из таких книжек в середине 1970-х Сергею Евгеньевичу сказали в ЦК КПСС, что рабочие завода «Светлана» прислали пись-

мо с просьбой запретить промысел дельфинов на Черном море. «Дайте профессору Клейненбергу возможность изучать дельфинов!» – писали рабочие. Это оказалось эффективнее наших многочисленных петиций в Академию наук: промысел на Черном море запретили.

– А сегодня что делать, если наука требует?

– Я сторонник принципа малых дел – «делай что должно, и будь что будет». Каждый в доступной ему области не должен хотя бы делать никакой подлости. Уверен, что заметная моральная деградация общества, в которой мы сейчас пребываем, – кремлевский продукт. Примерно в 1997–1998 годах было решено, что надо каким-то образом отвернуть народ от политики. Вместо коммунистических рычагов страха и давления – пропаганда потребительства, православия и спорта. Рекламные щиты на улицах «Живи здесь и сейчас!» – это не просто реклама, это лозунг современного образа жизни. Реклама в метро несколько лет назад – роскошная женщина в мехах и надпись: «Отдайся ночью, чтобы властвовать днем». Сработало! Люди стали меньше думать о добром и вечном, полагая, что это атрибуты советского прошлого. А рыночная экономика, решили они, требует «здесь и сейчас». И вот результат.

– С идеологией малых дел вы и вступали в КПСС?

– Вступал с мыслью, что нужно менять мир к лучшему. Это было в конце 1950-х, ужасы ленинизма-сталинизма тщательно скрывались и офи-

циальной пропагандой, и, что особенно страшно, даже в семьях. Вступал в партию в Институте морфологии животных. На собрании меня спросили: «Какой ваш идеал в науке?» Отвечаю: «Академик Шмальгаузен<sup>1</sup>». – «Как академик Шмальгаузен?! Вашим идеалом должен быть Ленин!» Пожурили, но в партию приняли. С партией связан еще такой эпизод. Чтобы выехать в командировку за границу, надо было получить рекомендацию бюро райкома. По советско-индийскому сотрудничеству индусы прислали к нам ботаническую экспедицию. В ответ Академия наук формировала экспедицию зоологов. Уже были четыре человека из Ленинградского зоологического института, нужен был молодой москвич – зоолог с «языкута». Мой английский был получше школьного – мама прозорливо настояла, чтобы я ходил в языковой кружок Дома ученых. И вот меня вызывают на бюро райкома и спрашивают: «А почему вы с бородой?» Отвечаю: «Маркс был тоже с бородой». – «Вы себя сравниваете с Марксом?! Вы недостойны представлять Советский Союз!» Потом смягчились: «Сбрейте бороду и тогда приходите за характеристикой». Тут первый секретарь, дама, которая меня пожалела, говорит: «Давайте не будем принимать отрицательного решения. Поручите мне решить этот вопрос». Когда все разошлись, она подписала характеристику, и я поехал в Индию бородатый.

Индия, надо сказать, сыграла в моем становлении как зоолога колоссальную роль. Дело в том,

что наша страна с зоологической точки зрения очень бедная. Мы находимся в Голарктике, внетропической части Северного полушария, и от всего многообразия растительного и животного мира у нас рожки да ножки. То, что я увидел в джунглях, горах и пустынях Индии, меня потрясло.

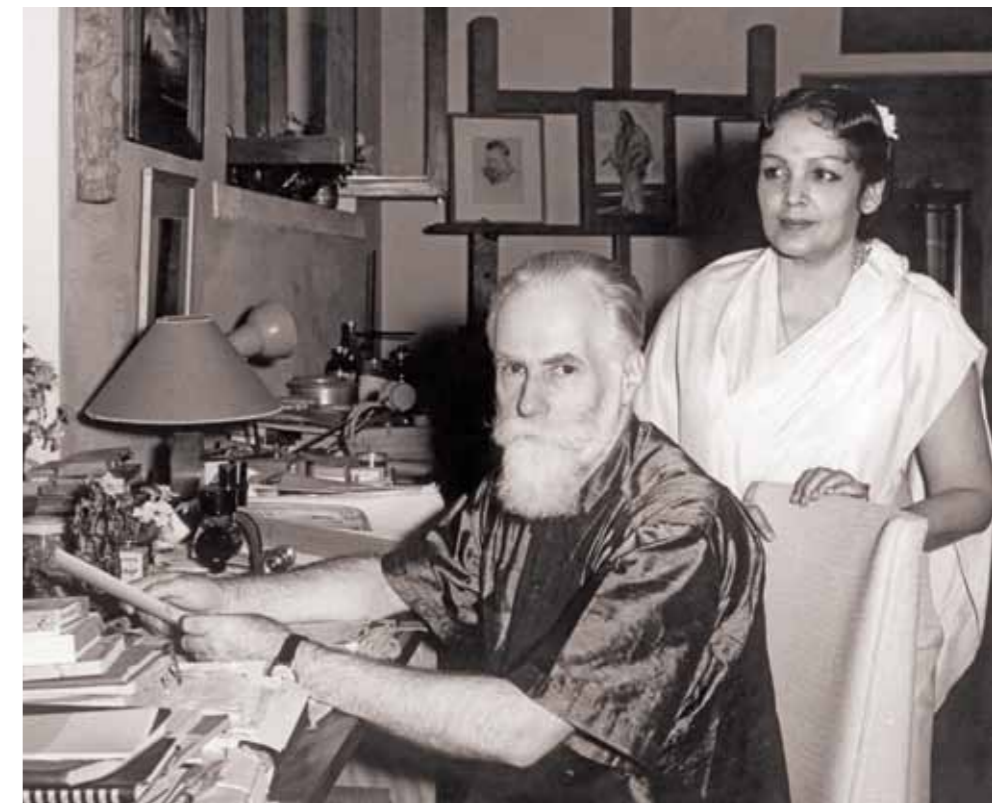
– А говорят, что у нас богатая флора и фауна.

– Это неверно. У нас есть только два сравнительно богатых видами региона – Приморье и Западный Кавказ. Индия невероятно расширила мой кругозор как зоолога и биолога. До того я знал Европейскую Россию, Арктику, Северную Атлантику и Северную Пацифику, Каспий, Охотоморье, Курилы. После знакомства с природой Индостана пришло другое, более глубокое понимание биосферы. За месяц с небольшим мы преодолели двадцать тысяч километров! И это было потрясающе.

– Слышала, что в Индии вы встречались со Святославом Николаевичем Рерихом. Это правда?

– Зная, что в Бангалоре живет Святослав Николаевич Рерих, мы постарались связаться с ним. И вот однажды он приехал к нам в гостиницу. Высокий, с совершенно белыми бородой и усами и высоким лбом. Всем по душе пришлись его простая и строгая манера общения и располагающие, уверенные движения. Мы получили приглашение приехать к нему в гости. И вот наши машины медленно проезжают через узкие ворота в лес, состоящий из совершенно голых, серых, сучковатых деревьев. В глубине этого странного леса, больше всего похожего на яблоневый сад поздней осенью, стоит небольшой двухэтажный дом. Ощущение, что это было вчера...

Святослав Николаевич и его жена Девика Рани Рерих встречают нас у входа на небольшую террасу. «Давайте сначала немного погуляем!» – предлагает Святослав Николаевич и ведет нас по чистым дорожкам сада вдоль рядов этих странных голых деревьев. Нетрудно догадаться, что это и есть знаменитые мексиканские эфиносы, которые его отец Николай Константинович Рерих много десятилетий назад вывез из Америки. Саженьцы хорошо прижились, и сад Рерихов оказался единственным в Азии местом, где растут эти деревья, дающие ценное сырье для парфюмерной промышленности. Весь урожай плодов, из которых получают эфирные масла, скупался на корню,



С.Н. Рерих и Д. Рани в своей студии. Бангалор, 1950–1960-е гг.

что давало возможность Святославу Николаевичу заниматься любимым делом – живописью. Деревья растут на каменистом и, кажется, совершенно безжизненном красноземе. В саду много термитников, то тут, то там из почвы выглядывают большие валуны. Одна сторона сада спускается к большому искусственному озеру.

«Несколько лет назад сюда зашли двенадцать диких слонов. Видно, здесь им понравилось: почти неделю они плескались в озере, ходили по лесу на том берегу, вырывая деревья и объедая у них корни. На озере вообще много живности. Посмотрите, видите – утки? – Святослав Николаевич достал из огромного футляра выдавший виды сильный бинокль и предложил нам взглянуть. – Вот говорят, страшнее кобры нет змеи. А среди местных жителей существует твердое убеждение, что кобра никогда не трогает маленьких ребят. Тут недавно ребенок долго играл с коброй, хватал ее за хвост, и она даже не сделала попытки укусить его».

Невольно оглядываемся вокруг – нет ли змеи, ведь мы не маленькие ребята. «Раньше было гораздо больше животных, – жалуется Рерих. – Особенно пострадали здешние места во время войны, когда много лесов было вырублено. В последние годы стало больше и браконьеров – ухитряются бить оленей и павлинов совсем рядом с домом. Да и город надвигается все ближе и ближе. Когда-то до Бангалора было километров десять, а теперь уже видны его окраины».

<sup>1</sup> Шмальгаузен Иван Иванович (1884–1963) – советский биолог, теоретик эволюционного учения.



Имение «Tataguni Estate» Святослава Рериха и Девики Рани Рерих в Бангалоре



Студия С.Н. Рериха. Бангалор, 2010

– Святослав Николаевич показывал вам свои картины?

– Да, после прогулки он пригласил нас в свою мастерскую. Она помещалась в отдельном одноэтажном корпусе, который мы сначала приняли за флигель. Большое прямоугольное здание с маленькими окошками под потолком и шестью сильными лампами без абажуров, освещающими ее изнутри. У дальней стены стояли два мольберта, слева столы с красками, справа несколько десятков картин в рамках, сложенных одна к другой. Мастерская большая – около двухсот квадратных метров. У противоположной стены сделано нечто вроде кабинета: диван, кресла, много полок с книгами, старой индийской бронзой, огромный письменный стол. На столе прежде всего бросились в глаза большие цветные кристаллы каких-то минералов, множество карандашей, ручек, книги по минералогии.

На книжных полках – разные издания книг, написанных Николаем Константиновичем Рерихом, который, как я знал, прожил яркую жизнь и воспитал немало первоклассных художников. Популярный в те годы в нашей стране Рокуэлл Кент – из его учеников, и там был его альбом. А также книги Юрия Николаевича, одного из крупнейших тибетологов и востоковедов, несколько книг Елены Ивановны, тогда изданных на русском языке в Риге и на английском в Лондоне. На низень-

ких столиках – стопка книг по искусству, здесь же русское издание «Махабхараты» и другие переводы. Рассаживаемся на диване и в креслах. Святослав Николаевич встает ближе к картинам, и по его сигналу два молодых индуса в белых одеждах осторожно берут картину за картиной и ставят на мольберт.

...Вот библейская сцена. Две Марии – Божья мать и Магдалина – держат снятого с распятия Христа. Картина черная, и лишь в верхней правой части красноватый луч света, похожий на след кометы. Все три фигуры – в нижней части картины, на лицах женщин выражение безграничного горя. «Каждый день, каждую минуту на земле к кому-то приходит горе, кого-то распинают, и всегда есть близкая женщина, всегда есть мать», – пояснил художник. Картина запоминается глубиной отчаяния и, может быть, даже не столько чертами изображенных лиц, сколько эмоциональным строем всего полотна.

И как бы используя создавшееся минорное настроение, художник показывает огромное полотно. Общий фон картины – интенсивный темносиний. На переднем плане в правом углу – толпа людей на крутом обрыве, с ужасом смотрящих вниз, в глубину, на фантастический город. Город в зареве. Заревое освещает небоскребы, мечети, готические здания. Но это зарево, идущее от огненного меча, спускающегося вертикально вниз,

освещает только самую дальнюю часть города. Передняя часть – темная, мрачная, мертвая. Огненный алый меч держит в руках огромная оранжевая крылатая фигура, растворяющаяся где-то в бесконечной глубине и высоте. Атомная война? Впечатление зловещего ужаса, неизбежности гибели охватывает всех нас...

Из множества картин запомнилась серия «Священная флейта», посвященная «синеликому флейтисту» Кришне, одному из самых популярных аватар великого Вишну. Недаром полное отождествление бога-созидателя Вишну с Кришной – главный момент индуизма. По преданию, Кришна обладал волшебной флейтой, и на одной из картин он изображен пастухом под деревом. Все это четко запечатлелось в памяти, хотя прошло много лет.

– О чем вы разговаривали?

– Довольно много времени мы обсуждали тесную взаимосвязь нашего и индийского народов, которые имеют общий древний индоевропейский язык. *Авси* – овца; *го* у древних индусов – «корова», а у славян есть «говядина»; *динам* древних индусов – чем не «день» у славян? Наперебой вспоминаем разные слова, общие этим, казалось бы, далеким языкам: *медвед* – медведь, *агнь* – огонь, *дума* – дым, *зняна* – знание, *басан* – весна, *двара* – дверь, *перевочак* – переводчик, *сахар* – сахар... Дружный смех вызывает «самовар», звучащий на хинди точно так же, как и в русском. Крепкими же были связи наших стран, если сквозь века прошло это слово, занесенное через каспийские степи с караванами купцов через подоблачные перевалы Каракорума и Кашмир.

Потом снова возвратились к искусству. «Самое трудное в искусстве, – говорил наш хозяин, – сле-

довать красоте. Главное – найти и показать красоту жизни. Неравномерность развития – одна из общих характеристик искусства. Последний большой взлет – это Ренессанс. Человечество сжилось с образом Моны Лизы. Найти великое движение красоты, которое лежит в основе движения вперед всего человечества, – цель творчества. Такие находки были раньше других мест сделаны в Индии, а потом неоднократно делались и в других странах. Есть исконные течения, которым следуют настоящему великие художники, они эти течения чувствуют, различают, а потом человечество смотрит на их произведения веками».

Еще запомнились такие его размышления, весьма актуальные и сегодня: «Главное, чтобы было больше мысли. Пути же искусства неисповедимы. И каким бы это трудным ни оказалось, верю, что человечество сможет найти высший синтез – между техническим прогрессом и культурой!»

Уходили уже в темноте. Медленно брели по дорожке сада. На веранде, помню, стояла небольшая рождественская елка – мы были в Индии в конце декабря. Улыбаясь, Девика Рани и Святослав Николаевич сняли с нее маленьких слоников из сандалового дерева и вручили каждому из нас этот крошечный символ счастья...

– Он у вас сохранился?

– Да, стоит в деревенском доме в Рязанской области. Это память о Святославе Николаевиче.

На следующий день мы отправились в Лал Бакх – Красный Сад, который считается одним из крупнейших ботанических садов Индии. Там особенно запомнилась богатейшая коллекция кроотов – небольших кустарников с очень красивыми цветными листьями. Каждый имеет собственное



С.Н. Рерих. Возфри, человечество. 1962



Институт фундаментальных исследований Таты. Бангалор, Индия

имя: «Красная Кровь», «Прелесть Бангалора», «Неру», «Индира Ганди», «Кришна», «Брахмапутра», «Америка», «Япония», «Россия», а также «Юрий Гагарин», «Андрей Николаев» и «Валентина Терешкова»...

Путешествие в Бангалор запомнилось посещением Института наук Таты, построенного на средства миллионера Таты. Оказалось, что в Индии очень развито меценатство в науке и искусстве. Наш же век меценатов, похоже, остался в далеком прошлом...

Еще была полевая экспедиция в район Нандихиллс на Деканском плато, в шестидесяти километрах к северу от Бангалора. Издали эти тающие в голубой дымке горы действительно напоминают лежащего бычка – отсюда, вероятно, название, которое переводится как «горы быка». Там довелось увидеть множество хозяйничающих в этих краях озорных макак, на хинди – бангалы (сразу вспомнились бангалоры из «Маугли»), и фантастической красоты бабочек-данаидов, и поражающих своими размерами – до трех метров – термитников... Они, кстати, являются там предметом научных исследований. Термитники мы видели в индийских музеях, и это нам очень понравилось. Ведь к нашим муравейникам такого интереса нет, а совершенно напрасно. Жизнь муравьев загадочна и удивительна. Возможно, пчелы, муравьи, термиты – это тоже цивилизации, существующие па-

раллельно с человеческой, но еще менее понятные нам, чем киты и дельфины... В общем, мы привезли из Индии такой трофей из индийских джунглей, и сейчас гигантский термитник украшает Зоологический музей в Петербурге.

Кроме того, Святослав Николаевич рекомендовал посетить район Аники, очень характерный по природным условиям. Шоферы одобрили наш выбор: «Леопарды там встречаются довольно редко, а тигры – тем более», и мы отправились в Анику, где действительно ничего страшнее множества ядовитых змей не встретили. Аника оказалась небольшой деревушкой в ложине, где выбивался родник и начиналась небольшая речушка. Несколько молодых женщин, стоя по колено в воде, стирали белье. Свернув каждую вещь в длинный валик, они мерно ударяли ею о большой гладкий камень. Увидев нас, они приветливо улыбнулись и продолжили работу. Всего в двухстах метрах от деревни увидели отчетливые следы – это олени приходили на водопой. На ветке – крупный сине-зеленый зимородок, кругом множество удивительных в своей красоте бабочек... Не покидало ощущение земного рая. Обратно едем в темноте, погруженные каждый в свои мысли. Завтра нужно вставать чуть свет, чтобы вновь отправиться в путь – в Мадрас, а потом нас ждут еще многие сотни и тысячи километров по сказочной стране Индии: Коимбатур и голубые горы Утакаунда, индуистские храмы и древняя столица Пандиев, коралловые рифы и летучие лисицы, Бенгальский залив и живые чудеса Калькуттского зоопарка, дельта священного Ганга и путь к вершинам Гималаев, дивный Дарджилинг, где маячат голубые чайные плантации...

Мы ехали в Индию, полные симпатии к ее народу, интереса к ее природе. Улетали домой, покоренные ее гостеприимством, очарованные великой древней культурой, оставляя на этой земле частицы своих сердец и множество новых друзей, среди которых особое место навсегда занял поразивший своей мудростью и талантом человек – Святослав Николаевич Рерих... Такие люди становятся настоящими Учителями.

– Одним из ваших Учителей стал Тимофеев-Ресовский<sup>2</sup>. Как это произошло?

– Я был тогда на распутье: занимался изучением морских зверей, но меня все больше привлекали общие эволюционные проблемы. И в какой-то

приезд Николая Владимировича в Москву (а он как бывший «враг народа» не мог жить в столице) попросил о встрече и разговоре. Он меня не знал, конечно, но ему, наверное, было интересно встретиться с зоологом. Он и себя часто называл «мокрым зоологом» – по исходному зоологическому образованию. Николай Владимирович подробно расспросил меня, какой материал у меня есть, что меня интересует, и стал размышлять вслух, как было бы научно интересно двинуться дальше. Я хотел изучать морфологическую изменчивость – как меняются мелкие признаки у животных. Он говорит: «Давай подумаем. Чтобы судить об изменчивости млекопитающих, нужно чтобы были данные по всем отрядам. Об изменчивости отряда дадут представление несколько видов. Изменчивость вида можно понять, составив представление об изменчивости нескольких популяций по десятку признаков. Расчет коэффициента вариации одного признака занимает около 15 минут. Значит, на все расчеты надо меньше года. Года за три фундаментальный обзор сделать можно». Такого типа мозговой штурм был для него, как я понимаю, заурядным, но для меня – совершенно новым. Докторскую диссертацию по изменчивости млекопитающих я защитил через четыре года после этого разговора.

– Каким человеком был Тимофеев-Ресовский?

– Он был, конечно, гений. У Николая Владимировича были свои заповеди-афоризмы. Один из главных: «Никогда не делай того, что лучше тебя сделают немцы». То есть не детализировать кем-то сделанное, а штурмовать неизвестное. В «Изменчивости млекопитающих» я попытался выявить закономерности внутривидовых морфологических изменений. В конце концов я пришел к обоснованию нового направления в биологии – популяционной морфологии. И это благодаря нашим беседам. От изучения изменчивости один шаг к изучению эволюции: как возникают видовые адаптации, чем один вид отличается от другого? К изучению процесса эволюции приходят все биологи. В общем-то, это было развитие дарвинизма, бесконечного по своей сути. «Ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции», – очень точно написал знаменитый американский генетик Феодосий Добржанский, еще один «невозвращенец», с которым я был знаком по переписке.

– Алексей Владимирович, так что, мы не цари природы?



Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский

– Это одно из самых губительных заблуждений человечества. Не исключено, что в своих попытках стать царем природы человек прошел точку невозврата и его существование в современном виде не имеет перспективы. Мы уже необратимо загрязнили и биосферу, и свой организм и продолжаем подрывать жизнеобеспечивающие свойства биосферы. За последние годы укрепилось опасное убеждение, что экология – это удел богатых стран, поэтому мы займемся ею, когда станем преуспевающей, экономически развитой державой. А поскольку главное богатство нашего государства заключено в природных ресурсах – нефти, газе, лесе, рыбе, – то их и нужно максимально быстро использовать для обогащения России. На мой взгляд, такой путь – откровенно губительный, поскольку сегодня мы пребываем в состоянии экологической катастрофы. Хотя крест на человечестве ставить совсем не хотелось бы. Хочется верить, что человек все-таки разумное существо, а поэтому имеет будущее.

Беседу вела Наталья Лескова

<sup>2</sup> Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович (1900–1981) – советский биолог, один из основоположников радиационной генетики и молекулярной биологии. В 1925–1945 годах работал в Германии.